Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (28), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-165-180
https://elibrary.ru/IRDXXU

© 2024. Юлия Каскина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Российской академии наук, Москва, Россия

Образ Р. Раскольникова в поздних рассказах И.С. Шмелева «Почему так случилось» (1944), «Записки не писателя» (1949)

© 2024. Yulya U. Kaskina
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The Image of Rodion Raskolnikov in Ivan Shmelev’s Late Stories “Why It Happened” (1944) and “Notes of a Non-Writer” (1949)

Информация об авторе: Юлия Узакбаевна Каскина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Поварская ул., д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-6893-596X
E-mail: kaskina@inbox.ru

Аннотация: В статье впервые рассмотрен образ Раскольникова в рассказах И.С. Шмелева «Почему так случилось» и «Записки не писателя». Убедительно показано, что в них писатель, пользуясь художественными приемами, именами, образами и цитатами из его романов, во многом ориентирован на традиции Достоевского.

В «Почему так случилось» имеется мотив сна, в котором происходит диалог с чертом, упоминается Иван Федорович Карамазов, произносится имя Родиона Раскольникова. Герой рассказа Шмелева профессор, подводящий итоги, в юности революционно настроенный студент и атеист, полагаем, имеет типологическое родство с героем «Преступления и наказания». Замеченное и озвученное в искаженном виде спутницей студента за обильным ужином в ресторане — «и де ты, андел, накрал на столько? иль упреподобил старушонку, как Расколкин?», оно помогает глубже осмыслить образ шмелевского героя. Демонстрирует также «самостоятельную жизнь» Родиона Раскольникова за пределами романа Достоевского.

«Записки не писателя», рассматриваемые как начало большого романа, включают в себя множество сюжетов. Ключевой из них — о воскресении дяди Васи — также связан с романами Достоевского. Здесь имеется прямая цитата из «Преступления и наказания». Важна при этом не только смысловая близость, но и хронологическая определенность в обоих повествованиях. Отрывок из «Преступления и наказания» о Раскольникове «на второй неделе Великого поста пришла ему очередь говеть вместе со всей казармой» напоминает повествователю об убийстве царя Александра II 1 марта 1881 года в начале Великого поста и реакции народа на дядю атеиста и революционера. В обоих случаях маркером при определении свой / чужой для простого люда является вера в Бога. Дядя возвращается в семью — спускается со своего мезонина — на Пасху. Это, в свою очередь, напоминает герою главу «Сон в Кане Галилейской» из «Братьев Карамазовых» и обнадеживает исторически. Чрезвычайно важная цитата из «Преступления и наказания» в «Записках не писателя» показала одинаковые вехи духовного движения Родиона Раскольникова и дяди Васи из мезонина на пути к воскресению.

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Раскольников, Шмелев, «Почему так случилось», «Записки не писателя», типологическое родство, диалог, вера, воскресение.

Для цитирования: *Каскина Ю.У.* Образ Р. Раскольникова в поздних рассказах И.С. Шмелева «Почему так случилось» (1944), «Записки не писателя» (1949) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28) С. 165–180. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-165-180

Information about the author: Yuliya U. Kaskina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6893-596X

E-mail: kaskina@inbox.ru

Abstract: The article considers for the first time the image of Raskolnikov in the stories by Ivan Shmelev “Why It Happened” and “Notes of a Non-Writer.” It shows how in these stories the writer, using artistic techniques, names, images and quotations from Dostoevsky’s novels, is largely oriented towards the tradition of the latter’s work. The story “Why It Happened” presents the motif of a dream in which a dialogue with the devil takes place, Ivan Fedorovich Karamazov is mentioned, and the name of Rodion Raskolnikov is pronounced. The author of the articles affirms that the hero of Shmelev’s story — a professor, in his youth a revolutionary-minded student and atheist — has a typological kinship with the hero of *Crime and Punishment*. The words, voiced in a distorted form by the student’s companion during dinner in a restaurant: “And you, Andel, stole so much? or reproached the old woman, like Raskolkin?” help to comprehend the image of Shmelev’s hero more deeply. It also demonstrates the “independent life” of Rodion Raskolnikov outside of Dostoevsky’s novel. The story “Notes of a non-Writer,” considered the beginning of a larger novel, includes many plots. The key one is about the resurrection of Uncle Vasya, and it is also associated with Dostoevsky’s works. Here, *Crime and Punishment* is quoted directly.

Not only the semantic closeness is important, but also the chronological precision in both narratives. An excerpt from *Crime and Punishment* about Raskolnikov ("in the second week of Great Lent it was his turn to commune together with the entire barracks") reminds the narrator of the assassination of Tsar Alexander II on March 1, 1881, at the beginning of Great Lent and the reaction of the people to his uncle, an atheist and revolutionary. In both cases, the marker in determining friends and foes for ordinary people is the faith in God. The uncle returns to the family — comes down from his mezzanine — on Easter. This, in turn, reminds the hero of the chapter "Dream in Cana of Galilee" from *The Brothers Karamazov* and gives courage. The extremely important quote from *Crime and Punishment* in "Notes of a Non-Writer" showed the same milestones in the spiritual movement of Rodion Raskolnikov and Uncle Vasya from the mezzanine on the way to resurrection.

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Raskolnikov, Shmelev, "Why It Happened," "Notes of a Non-Writer," typological kinship, dialogue, faith, resurrection.

For citation: Kaskina, Y.U. "The Image of Rodion Raskolnikov in Ivan Shmelev's Late Stories 'Why It Happened' (1944) and 'Notes of a Non-Writer' (1949)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (28), 2024, pp. 165–180. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-165-180

Рассказы И.С. Шмелева «Почему так случилось» и «Записки не писателя» привлекали внимание многих исследователей.

Шмелеведами обычно рассматривались проблематика этих рассказов, текстология; анализировался авторский замысел, отмечалась автобиографичность. «Почему так случилось», по словам Н.М. Солнцевой, рассказ «о блужданиях русского интеллигента» [Солнцева, 2007, с. 404]. В нем, написанном во время великой отечественной войны, как утверждает Л.А. Спиридонова, выражена изменившая первоначальный финал рассказа «вернувшаяся к Шмелеву надежда на русский народ, способный вынести все и одолеть врага» [Спиридонова, 2014, с. 203]. О.Н. Сорокина, цитируя письмо Шмелева И.А. Ильину о том, что «Записки не писателя» — это только начало большого произведения, предполагает, что «роман был бы интересным, но замысел его не был реализован» [Сорокина, 2000, с. 289]. «Художественной автобиографией» называет этот рассказ А.П. Черников [Черников, 1995, с. 307].

Продолжая опыт предшественников, мы уже обращались к отдельным аспектам этих рассказов [Каскина, 2015], [Каскина, 2019], [Каскина, 2023]. Попытка рассмотреть и осмыслить в них образ Раскольникова предпринята впервые.

Оба рассказа насыщены многочисленными литературными аллюзиями, цитатами, реминисценциями, выявление и анализ которых помогает глубже проникнуть в авторский замысел. Рассмотренные в историческом контексте эти художественные приемы расширяют смысловое поле произведения, а также показывают принадлежность его к определенной литературной традиции.

Итак, герой рассказа «Почему так случилось» — пожилой профессор-филолог, эмигрант — пишет историко-философское сочинение с таким же названием, в котором пытается осмыслить причины и последствия русской революции, тем самым подвести своеобразный итог своей научной и общественной деятельности. Он занят, по словам Солнцевой, «философией прогресса» [Солнцева, 2007, с. 404].

Вопросы, встающие перед профессором, столь болезненны и животрепещущи, что у него развивается бессонница, невропатолог советует «ложиться в 10» и думать, «раз уж не можете не думать <...> только о легком и приятном» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 253]. Чтобы успокоиться после дневных трудов, профессор читает на ночь стихи Пушкина. Анализирует «Воспоминание» (1828), которое высоко оценивали, — как современники поэта, так и современники Шмелева, единодушно выделяя в нем, как один из главных, мотив покаяния. Многими читателями XIX–XX веков это стихотворение было любимо, и многие, как и наш профессор, знали его наизусть.

Профессор наконец засыпает на приятном воспоминании — как он гимназистом, с трудом достав билет на галерку, в Большом театре слушал оперу Ш. Гуно «Фауст» (1859) «с Бутенко в роли Мефистофеля» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 254]. Ему вспоминается мороз, очереди за билетом, сугробы. Ему видится гребешок избы, хочется войти в дом, где так вкусно пахнет щами, но он не решается. Боится прямолинейных вопросов мужика: «...ба-рин... а *почему... так... случилось*?! ты вон в книгу пишешь, а все не то! ты по со-вести пиши... кто довел нашу Расею-матушку до такой ямищи?! до такого смертоубивства?!.. а?!.. нет, ты сказывай, не виляй... кака притчи-на, кто додумался до такого? кто научил?.. а?!!» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 256]. Ему стыдно войти.

Далее Шмелев использует известный сюжет явления человеку черта во сне. Сам он определяет это в письме Ильину как «некую параллель с кошмаром Ивана Карамазова» [Ильин, 2000, с. 332]. В рассказе Шмелева происходит следующая трансформация:

внутренний монолог профессора наяву сменяется воображаемым диалогом с мужиком во сне и далее во сне перерастает в диалог с чертом.

Шмелев, как видим, сознательно строит свое повествование, ориентируясь на Ф.М. Достоевского. Более того, он использует традиционные художественные приемы великого романиста — сон, диалог с чертом, полифоничность. «Достоевский, — как писал К.А. Степанян, — был замечательный знаток “сновидческой практики”, он превосходно знал, как при ослаблении во сне контроля сознания таящиеся в душе и сердце человека импульсы оформляются в самые неожиданные образы и предстают спящему, особенно в <…> болезненном состоянии» [Степанян, 2014, с. 82]. Именно так происходило и во сне профессора.

Оперный черт Мефистофель-Бутенко во сне профессора превратился в реального и повел с ним нелицеприятный разговор. Сначала он «похвалил» Достоевского: «А ведь недурственно, меня-то, Федор-то Михайлыч, представил» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 259] — и напомнил об Иване Федоровиче Карамазове — «Да-а, Иван-то Федорыч его… у нас! чиновником особых поручений, сверх штата… масса кандидатов. Как ни вертелся, тогда-то… а признал: аз есмь!» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 259]. Напомним, что в «Братьях Карамазовых» черт говорит Ивану — «по-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приняться за дело!» [Достоевский, 1972–1990, т. 15, с. 83]. Эта концепция всегда была близка революционно настроенной студенческой молодежи, в среде которой находился профессор, учась в университете.

Черт объяснил профессору, как тот в молодости помогал разрушать веру в Бога и нравственные основы общества. Как он после симфонических концертов радостный, возбужденный садился в экипаж и «вскипал приливно — “се-ять, се-ять… разумное, доброе, вечное…” — и призывал извозчика… и чем-то троглодитным, опосля “симфоний”-то, был для тебя тот “ванька”… но как же без него, хоть и с “зарядом”?» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 262] и рассказывал извозчику, что звезды все сосчитаны, и что Бога нет. Старик тогда ему попался «крепкий», а вот туляк-извозчик, парень 20 лет покончил с собой из-за того, что «Бога нету, да-к мине скушно» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 264]. Черт предъявляет профессору

обвинение в разрушении народной веры и религиозного самосознания у простого русского мужика. «И вот, все это... ты у него украл», — восклицает черт [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 263], говоря о глубокой духовной радости верующего сердца (см. об этом подробнее [Каскина, 2023]).

Черт рассказывает изумленному собеседнику многое, иногда из того, что казалось незначительным или вообще хотелось забыть. Рассказывает, как в Татьянин день студенты праздновали, пили, пели из Некрасова про народ: «Был ты студентиком, зеленым. Помнишь, перехватывало в горле как на “Татьяну” заводили — “Выдь на Волгу”! Старикан-лакей, при “Эрмитаже”, говаривал: “как до градуса дойдут, выть на Волгу пойдут”»[1] [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 265].

Во время этого диалога профессор, с одной стороны, в душе сопротивляется столь очевидному свидетельству наличия другого мира, с другой, по привычке пытается объяснить себе происходящее логически.

«— Стой, подлец, вспомнил!... — с яростью вскричал профессор, — ты — Сенька Хоботков! Юрист-второкурсник... шапку украл со сбором по партам, мы тогда пустили, на семью жертвенного Каляева![2] Я тебя в тот же вечер, циник... негодяй... в ресторане Саврасенкова видал, в новенькой тужурке, с “Разлюли-Малиной”!.. на святые деньги ты жрал отбивную котлетищу с горошком, запивал портером!..» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 267].

Но черт решительно продолжает, и имя Раскольникова звучит в простодушном неожиданном вопросе: «— Ффу ты, что за гениальный блеск памяти! даже... до зеленого горошка!... а все забыл. Допустим, я в этой благородной шкуре, хоть ты прекрасно знаешь, кто аз есмь. Ну, у кого острей?.. У Саврасенкова — да, с “Разлюли-Малиной” — верно... с коей ты, накануне, в “Малоярославце”, на святотатственное-краденое, изволил кушать: осетринку по-американски;

---

[1] Аллюзия на строки из стихотворения Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858):

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..

[2] Каляев Иван Платонович (1877–1905) — российский революционер, эсер, поэт. В 1897–1899 годах студент Императорских Московского и Петербургского университетов. Участник боевой организации эсеров, 4 февраля 1905 года в Москве, на территории Кремля, он бомбой убил Великого князя Сергея Александровича и был задержан полицией, после чего был осуждён и казнён через повешение.

сотэ из рябчика, почки в мадере, клубничку со сливками… и орошал сие сухоядие портвейнцем и коньячком с абрикотинчиком… даже “Разлюли-Малина” ужасалась, теребила за мундирчик и вопрошала: “и де ты, андел, накрал на столько? иль упреподобил старушонку, как Расколкин?..”» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 267]. Ужинающая в ресторане с будущим профессором девушка удивляется, что у ее спутника столько мелочи!

Черт же и отвечает на испуганный вопрос Разлюли-Малины, заставляя профессора вспомнить грехи молодости — лукавство, отступление от веры, ложь, горделивость, сребролюбие, чревоугодие: «У богатой тетеньки проживал, на маменьку выклянчивал — “ах, больная, в глуши, нет даже на лекарства…” — “Ах, на пошли…” — две красных. “Пошли” — на “Разлюли- Малину”, нэ-с-па? Душеньку твою спасала, тянула на веревке в церковь, — упирался. И заключили вы условьице, тетенькину душу успокоить: за всенощную — рублик, за обедню — вдвое, чтоб на ее глазах выстаивал. Сто-ой… и ты, овечка погибшая, выстаивал… для рябчиков и почек, абрикотинчиков, “Малин”, “Фру-Фру”, и проч… Нет, чур, не все. “Двунадесятые” — тариф двойной. “Великие” — тройной, а “Праздник Праздников”[3] — за разовый сеанс по красной?! А как те, “окаянные” наступят, — твое бомо? — ну, покаянные… тут уж Клондайк, Голконда, “радуга-ми” блещет. Что, мироточивый, померк твой блеск? и у меня не притупилась (память — *Ю.К.*), а?!» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 267].

Профессор, однако, продолжает оправдывать себя: «Все преувеличил, негодяй… все извратил!… <…> было… пустяки, как шутка… надо ж так заплевать все!… Я давал уроки, посылал матери… эти “службы”, для успокоения религиозной тетушки, которая столько для меня… отнимали время… я не мог все на ее плечах… давал уроки… и она, поняв, мне помогала, добавляла… Все извратил гад!.. Да, я не верил, вынуждал себя… для ее покоя… только для ее покоя… а не для… извратил, подлец! извратил, как все!» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 267].

«Ну, игра ума, а суть-то та же», — подытоживает черт.

К.А. Степанян зарождение мыслей Раскольникова об убийстве старухи-процентщицы справедливо связывает с подслушанным в трактире разговором студента и офицера в самом начале рома-

[3] Речь идет о православных праздниках — Двунадесятых, Великих и Пасхе.

на. На одной чаше весов оказывается жизнь злобной и никому не нужной ростовщицы, на другой — молодые, свежие силы, тяжело нуждающиеся.

Таков, надо полагать, отчасти, ход мыслей профессора в юности. Пара студент и его верующая тетушка как источник дохода в некотором смысле коррелирует с парой Раскольников — старуха. Пророчески звучат рассуждения исследователя о том, как меняется человек с деньгами, как впоследствии тратит их попусту, и как себя ставит выше других, считая, что «право имеет». Поэтому неудивительна лежащая на поверхности соотнесенность шмелевского героя и «Расколкина». Девушка — «Разлюли-Малина» — почувствовала их глубинное внутреннее родство. Студенту, будущему профессору, судя по его ответу, как и Раскольникову, близки очень популярные тогда теории «разумного эгоизма» и «экономической правды», «призванные заменить евангельские истины как “отжившие”» [Степанян, 2014, с. 96].

Образ больной нуждающейся в помощи матери «в глуши», которой посылаются, или якобы посылаются, деньги, столь бесчестно «заработанные», соотносится с образами матери и сестры Раскольникова, убедившего себя в том, что ради помощи им он совершает убийство.

Отметим, что «в разрушении религиозно-нравственных абсолютов, в обосновании идеи относительности или даже фиктивности, призрачности морали» видят исследователи «главный итог многообразных теоретических построений Раскольникова» [Тихомиров, 2016, с. 32]. Не черты ли подобной идеологии, имманентно присущие молодому студенту будущему профессору, почувствовала в своем спутнике девушка, своим испуганным вопросом сравнившая его с героем Достоевского?

Герой рассказа Шмелева, таким образом, редуцированное, но довольно очевидное, а потому и легко уловимое, подобие героя Достоевского. В нем, хотя и, возможно, в зачаточном виде, имеются характерные черты героя романа «Преступление и наказание».

В январе 1949 года И.С. Шмелев закончил «Записки не писателя» — рассказ о жизни одной купеческой семьи: ее светлом прошлом — Россия ушедшая, суровом настоящем — вынужденная эмиграция, и будущем — в котором возможно, надеется автор, духовное, а за ним и реальное возрождение России. Характерной

художественной особенностью Шмелева является повествование от первого лица и мотив памяти, подведения итогов.

Герой-повествователь сообщает, что «был учителем истории и русского языка» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 289]. Это постоянно подтверждается теплыми воспоминаниями об учениках, а также легким, правильным, живым языком, изобилующим выразительными эпитетами и риторическими вопросами.

В рассказе упомянуто множество имен писателей, историков, литературных героев. Это — А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, А.П. Чехов, Ф. Сологуб, Н.М. Карамзин, В.Н. Татищев, Н.О. Ключевский. Имеются сравнения и прямые цитирования.

Учитель, так же как и профессор в предыдущем рассказе, размышляет об «итогах» своей жизни и «основной идее» всей русской жизни — государственной и народной.

В начале повествования он говорит о производственных корнях семьи — об «исконном нашем — пряниках», упоминает о поездке прадеда к царю «в Питер благодарить» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 292] за получение почетного гражданства. Описывается также «замоскворецко-купеческий» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 293] уклад семьи матери. Эта проза жизни поэтизируется рассказчиком. Сообщая о своем новом замысле, 24 августа 1948 года Шмелев писал Ильину: «Ткань “романа-бытия” — сложная, как жизнь, и должна включать в себя, наряду с выпирающим, и массу “мелочей”, которые должны составить мозаично — главную картину, ибо в “мелочах”-то и заключены “символы” — вехи!» [Ильин, 2000, с. 366]. Намечалось, как видим, действительно, большое эпическое повествование.

Главными героями рассказа являются дед Иван Васильевич — благонравный, глубоко верующий, правильный русский купец и его сын дядя Вася, живущий в мезонине. Любовно описаны мама, которую повествователь сравнивает с пушкинской Татьяной, и сестра Катюша — одаренная пианистка, судьба которой после революции напоминает, как нам представляется, жизнь святой Ксении Петербургской. Об этом подр. см. в нашей книге [Каскина, 2019, с. 102].

С любовью и особенной душевностью описывается глава семейства: «Дед, Иван Васильевич, сколько его помню, всегда был радостный, праздничный, как с виду, так и душой» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 294]. Его внешность и привычки соответствовали его внутренней собранности и определенности. «Дед Иван тоже был

красавец, — высокий, крепкий, статный, темный шатен, с волнистой и пышной бородой, всегда заботливо ухоженной, чуть впроседь. ... Одевался всегда очень опрятно, даже дома: “не надо распускаться”. ...В обиходе дед был сугубо скромный, в еде — особенно, и строго соблюдал посты» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 298].

Дед знал духовные законы. Он был «широким “милостынщиком”», но, как-то, подав не глядя, городскому голове-шутнику, «нахмурился и сказал наставительно-сурово: “Этим не шути, Прохор... статься может!” Так и сбылось, через много лет, на моих глазах» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 299].

Рассказчик отмечает его меткий язык, благочестие, любовь к «Истории», написанной «из уважения к его памяти, с большой буквы» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 300], страсть к лошадям. Он, например, говорил: «к Богу не подъезжают, а притекают» и в церковь ходили пешком. Дед не говорил «кучер» — «не наше слово, — а — “ездовой” или “выездной”» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 301], к отбору ездовых он подходил очень строго. Историю внук читал ему вслух, иногда пересказывал и получал наставления: «особенно про Святителей: “Запомни, Серьга, как они *строили* Россию!” Я уже понимал, как строили» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 300].

Из повествования становится известным, что у деда было два сына старший Василий — дядя Вася и младший — отец мальчика Николай.

Дядя Вася жил в мезонине. Старший сын и любимец, бывший студент-естествоиспытатель, сосланный за участие в студенческих волнениях в Сибирь на поселение, больной чахоткой, он был отдан деду на поруки. Дед говорил о нем разное, иногда совсем противоположное то: «бо-льшая голова!», «эх, золотое сердце, да ум-то у него... *заумный*», то, рассердившись, «не человек, в кого только?!.. отшибок какой-то... прости, Господи!..», «химик» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 307]. Мама называет его «добрым и... несчастным». Мальчику известно также и «очень приятно», что «дядя любит простой народ» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 308].

«Я уже понимал, что дядя какой-то другой, чем мы. В церковь он не ходил и не пускал священников Христа славить. Хоть мне и было почему-то страшно, что он *такой*, но меня всегда тянуло к нему: на стенах у него были карты разных земель, висели с потолка птичьи чучелки, и всюду лежали атласы со зверьми, цветами, птицами» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 308]. Он напоминает тургеневского

нигилиста Базарова, но, в отличие от него, живет в большой православной семье.

Кульминацией рассказа являются «два события» — «историческое и семейное» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 305], с участием этих двух персонажей — деда Ивана и дяди Васи. Именно они связаны с сюжетами Достоевского. В первом это прямая цитата из «Преступления и наказания». Во втором — упоминание очень значимой сцены из «Братьев Карамазовых».

Историческое — это убийство народовольцами царя Александра II в Петербурге 1 марта 1881 года. Было начало великого поста, в этот день служили «литургию с анафемой». Накануне дед объяснял мальчику, что такое «анафема», цитируя Евангелие: «слышишь?.. “прокля-тии”?! это и есть “анафема”...» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 310]. А кузнец Акимов кричал: «всех убивать, кто не признает Бога и Царя!..» — и грозил на мезонин: «Царя убили, анафемы-неверы» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 312].

«Я вспомнил об этой сцене, когда читал “Преступление и Наказание”. Там написано о Раскольникове:

“На второй неделе Великого поста пришла ему очередь говеть вместе со всей казармой. Он ходил в церковь и молился вместе с другими. Из-за чего-то, — сам он не знал этого, — произошла однажды ссора: все разом напали на него с остервенением: «Ты безбожник! ты в Бога не веруешь! — кричали ему, — убить тебя надо!..» Он никогда не говорил с ними о Боге и о вере, но они хотели убить его, как безбожника”» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 314].

Т.А. Касаткина обращает внимание на хронологическую значимость в этом эпизоде, указывая, что «вторая неделя (седмица) Великого поста особо посвящена греху» [Касаткина, 2003, с. 649]. Так же, как значимо начало Великого поста, «литургия с анафемой» в день цареубийства, особо оговоренные Шмелевым в рассказе.

На каторге, живя бок о бок с простым народом, Раскольников не может не задуматься о взаимоотношениях с ним: «Вообще же и наиболее, — пишет Достоевский, — стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между ним и всем этим людом. Казалось, он и они были разных наций. Он и они смотрели друг на друга недоверчиво и неприязненно. Он знал и понимал общие причины такого разъединения; но никогда не допускал он прежде, чтоб эти причины были на самом деле так глубоки и сильны» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 418] — таково

продолжение процитированного Шмелевым отрывка из «Преступления и наказания».

Похожим представляется и восприятие народом дяди Васи — совершенно чужого и далекого человека: в церковь не ходит, живет уединенно, делает опыты. Его жизнь и деятельность, интересы и образ мыслей необычны и непонятны. И хотя дядя, получив большое наследство от своего покойного дядюшки, построил «два училища для крестьянских ребятишек» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 308], то есть деятельно любил народ, сам он был чужд и непонятен этому народу. Выразителем народного гнева в рассказе становится кузнец Акимов, четко маркирующий инаковость дяди Васи по религиозному признаку.

Когда на престол вступил новый царь, отец, дед и рабочие пошли в собор «целовать присягу», а мальчик со слезами просил дядю тоже сделать это, он сказал: «“конечно, я русский человек, как все”. ... Дед, помню, перекрестился, а мама стала светлой» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 314]. В критический момент именно национальное самосознание помогло ему принять верное решение, этим сохранить мир в доме, в самом широком смысле слова, не озлобляя и не распаляя народ. Ведь в народном сознании, согласно Шмелеву, вера в Бога и послушание царю являлось мерилом нравственного чувства и неформальным признаком духовного родства.

В противоположность дяде Васе все остальные члены большой семьи живут в реальном единстве с народом, из которого сами вышли, знают его нужды, сердечно заботятся о нем.

«Семейное» событие случилось через четыре года после «исторического» — в Светлый день Христова Воскресения «спустился из своего мезонина дядя Вася»! [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 318]. Все ожидали христосованья деда и не начинали разговляться, пока он не просмотрел лист — список бедных семейств, кому посылалось «праздничное».

И вдруг в этом списке не оказалось Семечкиных! Дед взволновался, строго позвал приказчика, который клятвенно заверил его, что все в порядке — Семечкиным послано, это в списке «конторщик промахнулся». Все облегченно вздохнули. А дядя Вася с трудом поднялся со своего кресла и громко похристосовался с дедом.

«“ — Воистину Воскресе!.. так... обрадовали...”

“— И хорошо... слава Богу... — сказал торопливо дед, — угодил яичком?..” – показал он на изумрудное.

"— Больше... широкий вы... *тревогой* своей обрадовали"» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 321].

«"— Воистину... Воскресение!.." — будто не своим голосом выговорил дед.

Теперь я знал, что случилось, и почему случившееся — великое событие. Оно повторялось в моей жизни, когда я перечитывал в "Братьях Карамазовых" лучезарный из лучезарных снов — "Брак в Кане Галилейской". Тогда, в розговины, на моих глазах, сотворилось ослепительное *чудо*. Оно непременно повторится, кажется мне порой, — увижу ли я его? — и наше семейное, событие претворится в событие *историческое*» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 322], — заканчивает рассказчик.

Исследователи творчества Достоевского традиционно трактуют этот фрагмент, как «чаемый образ *всеобщего спасения*». А.Г. Гачева пишет: «Разворачивается ослепительное видение Царства Божия, преображенного, вечного бытия, радостного соборного ликования, часть в котором имеют все. Здесь *все* званы, *все* призваны на пир в Кане Галилейской веселиться, пить вино "радости новой великой"» [Гачева, 2007, с. 256].

В рассказе Шмелева великое семейное событие, так обнадеживившее не писателя — это возвращение — «Воистину... Воскресение» [Шмелев, 1998–2000, т. 3, с. 321] дяди — нигилиста-атеиста-революционера в Отчий дом — в прямом — он спустился с мезонина и присоединился к семье, к ее празднованию Пасхи — и в переносном смысле — вернулся в Отчий дом Бога-Отца. Душа его будто бы пробудилась и воскресла, и возрадовалась.

Б.Н. Тихомиров, комментируя «Преступление и наказание», еще раз наглядно продемонстрировал, что в эпилоге романа на каторге после говения[4] «вместе с своей казармой», после болезни и апокалиптических снов, после встреч с приехавшей вместе с ним в Сибирь Соней, совершается воскресение Раскольникова. Будто пелена спадает с его внутреннего зрения, происходит его обращение к людям, начинается духовный переворот в нем самом. Концептуальная вступительная статья к книге-комментарию названа «Роман о преступлении, наказании и — воскресении Родиона Раскольникова» [Тихомиров, 2016, с. 13–48].

[4] Приготовление к таинству причащения, состоящее в усиленном посте, молитвах, усиленном посещении церковных служб, исповедании своих грехов.

Чудо возвращения-воскресения совершается в рассказе Шмелева с дядей Васей. Оно сродни воскресению Родиона Раскольникова в «Преступлении и наказании». По Шмелеву, подобное преображение непременно должно произойти с Россией.

Герои Достоевского, как замечает исследователь, всегда «стоят на грани важнейшего выбора — между правдой и ложью, светом и тьмою, добром и злом» [Малягин, 1997, с. 9]. Вопросы «духа и совести» стоят и перед героями Шмелева.

Роман «Преступление и наказание», его герои и сюжеты в литературе зачастую будто бы отделяются от романа и его автора и начинают жить своей жизнью. Осмысление образа Раскольникова в представленных рассказах показало значимость появления его образа в «Почему так случилось», указывающего на внутреннее сходство студентов Шмелева и Достоевского. Чрезвычайно важная цитата из «Преступления и наказания» в «Записках не писателя» показала одинаковые вехи духовного движения Родиона Раскольникова и дяди Васи из мезонина на пути к воскресению.

Список литературы

1. Гачева, 2007 — *Гачева А.Г.* Проблема всеобщности спасения в романе «Братья Карамазовы» (в контексте эсхатологических идей Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева) // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 226–283.

2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

3. Ильин, 2000 — *Ильин И.А.* Переписка двух Иванов (1947–1950) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 528 с.

4. Касаткина, 2003 — *Касаткина Т.А.* Примечания // *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Астрель: АСТ, 2003. Т. 3: Преступление и наказание. С. 583–655.

5. Каскина, 2015 — *Каскина Ю.У.* Идеи Ф.М. Достоевского в рассказе И.С. Шмелева «Записки не писателя» // И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 373–381.

6. Каскина, 2019 — *Каскина Ю.У.* Ф.М. Достоевский и И.С. Шмелев *// Каскина Ю.У.* И.С. Шмелёв и русская классика XIX века: И.С. Тургенев, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 89–130.

7. Каскина, 2023 — *Каскина Ю.У.* Пятидесятый псалом в рассказе И.С. Шмелева «Почему так случилось» // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 21 (4). С. 261–280.

8. Малягин, 1997 — *Малягин В.Ю.* Достоевский и церковь // Ф.М. Достоевский и православие: Сборник / сост. А. Н. Стрижев. М.: Отчий дом, 1997. 315 с.

9. Солнцева, 2007 — *Солнцева Н.М.* Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.

10. Сорокина, 2000 — *Солнцева О.Н.* Московиана: жизнь и творчество Ивана Шмелева. М.: Моск. рабочий, 2000. 408 с.

11. Спиридонова, 2014 — *Спиридонова Л.А.* Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.

12. Степанян, 2014 — *Степанян К.А.* Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. 208 с.

13. Тихомиров, 2016 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. 2-е изд. испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.

14. Черников, 1995 — *Черников А.П.* Проза И.С. Шмелева. Концепция мира и человека. Калуга: Калужский областной университет усовершенствования учителей, 1995. 342 с.

15. Шмелев, 1998–2000 — *Шмелев И.С.* Собр. соч.: в 5 т. (с 3 доп.). М.: Русская книга. 1998–2000.

References

1. Gacheva, A.G. “Problema vseobshchnosti spaseniia v romane ‘Brat’ia Karamazovy’ (v kontekste eskhatologicheskikh idei N.F. Fedorova i V.S. Solov’eva)” [“The Problem of the Universality of Salvation in the Novel *The Brothers Karamazov* (in the Context of the Eschatological Ideas of N.F. Fedorov and V.S. Solovyov)”]. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo “Brat’ia Karamazovy”. Sovremennoe sostoianie izucheniia* [*Fyodor Dostoevsky’s Novel* The Brothers Karamazov*: Current State of Research*]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 226–283. (In Russ.)

2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

3. Il’in, I.A. *Perepiska dvukh Ivanov (1947–1950)* [*Correspondence of the Two Ivanovs (1947–1950)*]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 2000. 528 p. (In Russ.)

4. Kasatkina, T.A. “*Primechaniia”* [“*Notes* ”]. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [*Collected Works: in 9 vols*], vol. 3. Moscow, Astrel; AST Publ., 2003, pp. 583–655. (In Russ.)

5. Kaskina, Iu.U. “Idei F.M. Dostoevskogo v rasskaze I.S. Shmeleva ‘Zapiski ne pisatelia’” [“Dostoevsky’s Ideas in the Story ‘Notes of a Non-Writer’ by Ivan Shmelev”]. *I.S. Shmelev i problemy natsional’nogo samosoznaniia (traditsii i novatorstvo): sbornik statei* [*Ivan Shmelev and the Problems of National Conscience (Tradition and Innovation): Collected Articles*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015, pp. 373–381. (In Russ.)

6. Kaskina, Iu.U. *I.S. Shmelev i russkaia klassika XIX veka: I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, F.M. Dostoevskii* [*I.S. Shmelev and Russian Classics of the 19th Century: I.S. Turgenev, A.P. Chekhov, F.M. Dostoevsky*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 160 p. (In Russ.)

7. Kaskina, Iu.U. “Piatidesiatyi psalom v rasskaze I.S. Shmeleva ‘Pochemu tak sluchilos’”” [“The 50th Psalm in the Story of Ivan Shmelev ‘Why It Happened’”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 21, no. 4, 2023, pp. 261–280. (In Russ.)

8. Maliagin, V.Iu. “Dostoevskii i Tserkov’” [“Dostoevsky and the Church”]. *F.M. Dostoevskii i pravoslavie* [*Fyodor Dostoevsky and Orthodoxy*]. Moscow, Otchii dom Publ., 1997. 315 p. (In Russ.)

9. Solntseva, N.M. *Ivan Shmelev. Zhizn' i tvorchestvo: zhizneopisanie* [*Ivan Shmelev. Life and Works: A Biography*]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)

10. Sorokina, O.N. *Moskoviana: zhizn' i tvorchestvo Ivana Shmeleva* [*Moscoviana: Life and Works of Ivan Shmelev*]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 2000. 408 p. (In Russ.)

11. Spiridonova, L.A. *Khudozhestvennyi mir I.S. Shmeleva* [*The Artistic World of Ivan Shmelev*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014. 240 p. (In Russ.)

12. Stepanian, K.A. *Putevoditel' po romanu F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie". Uchebnoe posobie* [*Companion to Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Textbook*]. Moscow, MSU Publ., 2014. 208 p. (In Russ.)

13. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus, Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)

14. Chernikov, A.P. *Proza I.S. Shmeleva. Kontseptsiia mira i cheloveka* [*Prose of Ivan Shmelev. The Concept of the World and Man*]. Kaluga, Kaluzhskii oblastnoi universitet usovershenstvovaniia uchitelei Publ., 1995. 342 p. (In Russ.)

15. Shmelev, I.S. *Sobranie sochinenii: v 5 tomakh (s trem'ia dopolnitel'nymi)* [*Complete Works: in 5 vols (+3)*]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1998–2000. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.10.2024
Одобрена после рецензирования: 28.10.2024
Дата публикации: 25.12.2024

The article was submitted: 18 Oct. 2024
Approved after reviewing: 28 Oct. 2024
Date of publication: 25 Dec. 2024